
**НЕВСКИЕ СОБЫТИЯ 1240 ГОДА
(АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ИСТОРИЯ: ГИПОТЕЗЫ, ФАКТЫ, КОММЕНТАРИИ)***

Карбущенко Павел Леонидович, доктор философских наук, профессор, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru.

Историческая герменевтика показывает, что самые патриотические страницы национальных историй оказываются и самыми проблемными с точки зрения верификации. Достоверность не является основным достоинством таких «историй», главной целью которых оказывается психологическое воздействие на эмоциональные патриотические чувства. Историческая достоверность входит в противоречие с национальной гордостью. Если долг гражданина заставляет нас выбирать второе, то долг ученого – стоять на страже и защиты научной достоверности. В статье делается попытка системного взгляда на известные события XIII в., долгое время являющиеся предметом национальной гордости россиян. На проверку перед нами оказывается очередная политическая мифология, удобная для патриотического воспитания, но не приемлемая с точки зрения научной достоверности. Конфликт между патриотизмом и научной достоверностью является главной проблемой пересмотра и исправления официальной истории.

Ключевые слова: истина, история, фальсификация, Невская битва, элита, политическая идеология, альтернативная версия истории, политическая спекуляция, историческая достоверность, историческая герменевтика

**THE NEVA EVENTS OF THE 1240
(ALTERNATIVE HISTORY: HYPOTHESES, FACTS, COMMENTS)**

Karabushchenko Pavel L., doctor of Philosophy, professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev st., e-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru.

Historical hermeneutics shows, that the most patriotic pages of national histories make a lot of troubles from the point of view of verification. Reliability is not the basic advantage of such "histories", its main goal is the psychological influence on emotional patriotic feelings. Historical reliability contradicts with national pride. If the duty of the citizen forces us to choose us the second, the duty of a scientist is to guard and protect scientific reliability. In article considered to attempt a system sight at known events of XIII century, long time being a subject of national pride of Russians becomes. In actual fact there is the next political mythology convenient for patriotic education, but not comprehensible from the point of view of scientific reliability. The conflict between patriotism and scientific reliability is the main problem of revision and official history correction.

Keywords: true, history, falsification, the Neva fight, elite, the political ideology, the alternative version of history, political gamble, historical reliability, historical hermeneutics

Историки знают, сколь опасно затрагивать патриотические чувства нации, даже если они основаны на ложных знаниях и противоречат данным науки. Патриотизм слеп в своей вере в свое превосходство и невосприимчив к научной критике. Единственным средством борьбы с ним является научное просвещение, снимающее идеологический угар и выводящее общественное сознание из политических «галлюцинаций». В официальной истории по-прежнему остаётся слишком много засевших по вине политической идеологии мифов, смущающих национальное сознание.

*Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект 2012-1.1-12-000-3001-057 «Фальсификация политической истории: от достоверности идеологической к достоверности научной».

По-прежнему основанный на «ложных истинах» патриотизм берет верх над научной истиной, отдавая предпочтение идеологической вере, а не знанию. В целом это чувство есть стремление быть лучше, чем на самом деле. Патриотизм фактически компенсирует чувство неполноценности и зависти другому. Он совпадает со стремлением нерадивых властей казаться элитой (лучшими, призванными), а не быть техническим правящим классом. Соединение массового и элитарного в патриотической идеологии является залогом успеха существования поддерживаемого ими мифа об исключительности и избранности их национального прошлого. В этом мы видим стремление достичь долгожданное единство общества и власти под ложными знаменами великого прошлого. Высказанные замечания касаются не только России, но и всех стран вообще. В истории иных стран мы обнаруживаем значительные пласты фальсифицированной реальности, когда мифологическое полностью забывает собой историческую достоверность, предлагая нашему вниманию красочную сказку о весьма мрачных и трагических событиях прошлого.

Предварительные замечания. То, что сегодня называется «историей», есть на самом деле субъективное восприятие современными историками дошедшего до них фактологического материала прошлого. Ясно, что нам сегодня нужно не механистическое изложение хронологически фиксированных временем фактов, а их критический анализ. Нужна критическая история. На сегодняшний день мы имеем критически противостоящие друг другу различные историко-идеологические концепции, полные противоречий и политических штампов. В большинстве случаев перед нами не история, а идеология – сотворенная в угоду политической конъюнктуры современными «историками» фальсификация. С другой стороны (если отбросить идеологические стереотипы современности), исследователь прошлого имеет дело с политическими стереотипами прошлого, которые закрались на страницы летописей. Летописец тоже выполнял определенные идеологические заказы, причины которых чаще всего остаются скрытыми для нас и по сей день. Особенностью же летописания было то, что летописи составляли главным образом монахи, которые испытывали двойной гнет: с одной стороны – «угрозы» своих земных покровителей, князей мира сего, с другой стороны – угрызания совести, ведь летопись пишется как для назидания потомкам, так и для своеобразного «отчета» перед Богом. Если потомкам можно было безбоязненно лукавить, то врать Богу было бессмысленно и к тому же грешно. Творить ложь – смертный грех. Как же выходили летописцы из этого положения? По мнению И.Н. Данилевского, они прибегали к приему скрытой аналогии. Например, описывая события «гражданской войны» 1015–1019 гг., Нестор, повествуя об убийце Бориса и Глеба киевском князе Святополком, прозванным за это преступление «Окаянным», как бы мимоходом замечает, что князь этот умер между «чехом и лехом (т.е. неизвестно где – в пустыне) *связанным*». Для русского человека XIII в., хорошо знавшего Библию и жившего по ее канонам, нетрудно было догадаться по этой цитате о подлинности описанных выше событий, ибо он хорошо знал, кто умирает в пустыне *связанным*...

К сожалению, современные историки проходят мимо этого вроде бы второстепенного замечания. Но как показал И.Н. Данилевский, именно это замечание является ключевым в описании событий 1015–1019 гг., ибо по Ветхому Завету *связанным* в пустыне умирал «козел отпущения» [3, с. 349–351], на которого люди перекладывали все свои грехи.

Эти предварительные замечания важны для нашего дальнейшего повествования, так как содержат в себе главный принцип дешифровки «фальсифицированных» текстов. Опираясь на «метод Данилевского», мы постараемся осветить события далекого лета 1240 г.

Русская версия XIII века. Обзор первоисточников. О шведском походе на Русь в 1240 г. сообщают нам только русские источники (Новгородская I летопись старшего извода и Житие Александра Невского); в шведских источниках нет ни малейшего намека на это событие. Вместо этого они сообщают нам только об одном

шведском походе на восток – о походе ярла Бергера в 1249 г. для завоевания Тавастланда (земли еми).

Было бы неправильно думать, что и русские летописцы XIII в. описывали эти события по их горячим следам. На это в частности указывает тот факт, что новгородский летописец перепутал имена шведских предводителей ярла Бергера (который в 1249–1250 гг. предпринял «крестовый поход» в земли центральной Финляндии) и ярла конца 1230-х гг. Ульфа Фаси [8, с. 108]. Что касается «Жития», то оно местами (там, где речь идет об военных «подвигах» князя) больше всего походит не на традиционные каноны Жития русского святого, а на рыцарский средневековый роман с ярко выраженными назидательно-патриотическими тональностями. Более того, подвиги князя доведены в его Житии до эпических размеров.

Описание этих событий, по мнению Дж. Феннела, сделано по лучшим агиографическим образцам: с молитвами, видениями святых Бориса и Глеба, поддержкой ангелов с воздуха, клише, гиперболами. Известно, что Житие было составлено спустя приблизительно сорок лет после описываемых событий человеком, имевшим веские основания быть настроенным против Запада, особенно против католического Запада, а именно митрополитом Кириллом (ум. в 1280 г.), который и является создателем «мифа» о католической агрессии против Руси в середине XIII столетия [9, с. 142–143]. Таким образом, «русская версия» XIII в., на которую опиралась советская историография XX столетия, является фактическим изложением субъективного мнения одного человека – князя Александра Ярославовича, прозванного «Невским». В Житии автор прямо так и говорит: «обо всем этом я слышал от господина своего князя Александра Ярославовича и от других, кто в то время участвовал в той же сече» [11, с. 90].

Ход событий. Итак, о ходе событий того лета нам сообщает главным образом Житие Александра – русский официоз конца XIII в. Согласно этой версии некто из западных стран пришел от тех, что называют себя слугами Божьими (Ливонский Орден), желая увидеть красоту возраста его: «этот, именем Андреяш, повидав князя Александра Ярославовича, возвратился к своим и сказал: "Прошел я многие страны и народы, но не видел такого ни во царях царя, ни во князьях князя"». Похвала настолько очевидная, что не вызывает никакого к себе доверия (в 20 лет быть выдающимся правителем – исключительная редкость, достойная Александра Македонского, на которого, по всей видимости, и намекает автор Жития).

«И услышал король части Римской из полуночной страны о таком мужестве князя Александра Ярославовича и говорит: "Пойду, поплению землю Александрову". И собрав силу великую и наполнил корабли многие полками своими, и пошел в силе великой, злопыхая духом ратным. И пришел на реку Неву, шатаемый безумием, и послал послов, возгордившись, к князю Александру Ярославовичу в Новгород Великий, и говорит: "Если можешь мне сопротивляться, то я уже здесь, и поплению землю твою".

Князь же Александр Ярославович, услышав слова эти, распалился сердцем и вошел в церковь святой Софии, и упал на колени перед алтарем, и начал молиться со слезами Богу... уже приблизились враги, и многие новгородцы не успели собраться, поскольку поспешил князь великий выступить.

И пришел на врагов в день воскресения, на память 630 святых отцов бывших в Халкидоне собора, и на память святых Кирилла и Улиты и святого князя Владимира, крестившего землю Русскую, имея веру великую в помощь святых мучеников Бориса и Глеба.

Был некий муж, старейшина земли Ижорской, именем Пелгуй (в крещении Филипп). Поручен же был ему утренний морской дозор... Стерег он оба пути, пребывая всю ночь во бдении, и когда солнце встало восходить, услышал шум страшный на море и увидел судно, одиноко плывущее по морю, а посреди судна – Бориса и Глеба, стоящих в одеждах червленых и держащих руки на плечах друг друга. А гребцы сидели, будто мглой одеты. И сказал Борис Глебу: "Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему великому князю Александру Ярославовичу".

Увидев такое видение и услышав речь такую святого мученика, стоял Пелгуй в трепете. И скрылось судно от глаз его.

И пришел вскорости князь Александр Ярославович. Пелгуй же глянул на него радостными очами и поведал ему одному о видении. Князь же сказал ему: "Об этом не рассказывай никому".

И решился напасть на них в шестом часу дня, и была сеча великая с римлянами (т.е. латинянами – П. К.), и побил бесчисленное множество их и самому королю (т.е., наверное, ярлу – П. К.) возложил печать на лицо острым своим копьем.

Здесь же в полку Александровом явились шесть мужей храбрых и сильных, мужество демонстрируя с ним великое. Один – именем Гаврило Алексич. Этот напал на судно, увидев, что королевича тащили под руки, въехал по доске, по которой поднимались до самого корабля, и разбежались перед ним, затем вернулись и сбросили его с доски с конем в море. Он же с Божьей помощью оттуда выбрался невредимым и снова напал на них и бился крепко с самим воеводой среди полка их.

Другой же – новгородец именем Збыслав Якунович; этот многократно нападал на врагов, сражаясь одним топорком, не имея страха в сердце своем, и многие пали от топорка его...

Третий – Яков, родом полочанин, ловчим был у князя. Этот напал на полк с мечом и мужество проявлял, и похвалил его князь.

Четвертый же – новгородец, именем Миша. Этот пеший, с дружиной своей потопил три корабля римлян.

Пятый – из младшей дружины князя, именем Савва. Этот наехал на большой шатер королевский златоверхий и подрубил столп шатерный. Полки же великого князя Александра Ярославича, видев падение шатер, возрадовались падению его.

Шестой же – из слуг князя, именем Ратмир. Этот сражался без коня и обступили его враги многочисленные, и от множества ран упал он и скончался. Обо всем этом я слышал от господина своего князя Александра Ярославича и от других, кто в то время участвовал в той же сече.

Было же в то время чудо дивное, подобное тому, как в древние времена при Езекии царе, когда пришел Сенахирим, ассирийский царь, на Иерусалим, желая пленить святой город Иерусалим, и внезапно сошел с неба ангел Господен и избил сто восемьдесят пять тысяч войска ассирийского. И когда поднялись утром, то обнаружили их трупы мертвые. Так же было и после победы князя Александра Ярославича, когда победил он короля; на противоположной стороне реки Ижоры, где не проходили полки Александровы, обнаружили многое множество избитых архангелом Божьим. А оставшиеся побежали, и трупы мертвецов своих побросали с кораблей и потопили в море» [11, с. 88–90].

Борисоглебская вставка. Обращает на себя внимание несуразность в описании этого якобы видения. Во-первых, оно происходит в рассветный час, когда стража обычно спит или находится близко к этому состоянию. Во-вторых, «страшный шум» производит «одиноко плывущее по морю» судно, что тоже вызывает некоторое недоумение. В-третьих, почему князь, услышав эту историю, велел Пелгую молчать? Не потому ли, что она слишком уж напоминала ему фальшивку Нестора!? Тогда само упоминание этого «видения» есть идеологическая галлюцинация и в то же время своего рода сигнал читателю: «Внимание! Фальшивка!» Как раз после этого в тексте и идет описание непосредственно самого Невского «сражения». И, наконец, все легко объясняется, если учесть, что сражение происходит в день памяти князя Владимира Святославовича (15 июля), их отца, который после этого был даже канонизирован Александром...

Версия А (официоз). Официальная или традиционная версия событий лета 1240 г. на русском (невском) побережье Балтийского моря историками XX в. излагаются с двух точек зрения: 1) советская историография трактует эти события как акт коалиционного натиска на Восток католических стран (М.Н. Тихомиров, Б.Я. Рамм, В.Т. Пашуто, И.П. Шаскольский); 2) западноевропейская историография того же

времени трактует эти события как акт русской агрессии на побережье Балтийского моря (Я. Яккола, Г. Доннер, Дж. Феннел). Так кто же из них прав? Никто...

Рассмотрим каждую из этих версий более детально.

Советская историография 1950–1970 гг. утверждала, что в конце 1230-х гг. созрел заговор католического мира против истерзанной степняками Руси, которая на Западе воспринималась как еретическая (т.е. придерживались версии митрополита Кирилла из его Жития). Главным координатором «крестового похода» на Русь 1240–1242 гг. объявляется папский легат в Прибалтике (в 1225/26 и в 1237/38 гг.) кардинал Вильгельм Моденский (ум. в 1249 г.), который, судя по приведенным выше цифрам, в 1240 г. был уже в Италии.

Суть данной концепции заключается в том, что Русь стала жертвой агрессивного Запада, планомерно покоряющего «славянский язык», т.е. сам русский этнос, своему католическому господству. «Довольно давно у историков возникла мысль, – пишет И.П. Шаскольский, – что шведы и немцы согласовали в 1240 г. свои удары, что оба нападения были звеньями одной цепи. Эта мысль приковывала к себе внимание каждого серьезного исследователя, изучавшего события 1240 г. Но прямых указаний на шведско-немецкие переговоры и соглашение о совместном нападении на Русь источники не дают» [13, с. 155]. Главным источником по этим событиям традиционно признается Житие Александра Невского. Но цели агиографического произведения и исторического могут быть совершенно различными. В данном случае Житие является тенденциозным и поэтому весьма ненадежным источником, требующим критического к себе отношения.

Приведа ряд необудительных доводов в пользу этой теории [13, с. 156], И.П. Шаскольский делает окончательный вывод, не лишенный, однако, своих странностей: «Таким образом, походы шведского и немецко-датского войск на Русь в 1240 г. были, по всей видимости, заранее согласованы, явились результатом заключенного при участии папской курии соглашения трех активных сил феодально-католической Европы об одновременном нападении на русские пределы с целью завоевания северо-западных русских земель.

Немецкие и датские рыцари должны были нанести удар Руси с суши, из своих ливонских владений. Шведы решили нанести удар с моря, через Финский залив» [13, с. 157]. «Удар с моря»? Даже Рюрик со своей варяжской дружиной мог рассчитывать на успех в Новгороде только при поддержке местной «варягофильской» партии Гостомысла. Прошведской «партии» в Новгороде в середине XIII в. местными летописями не отмечено, следовательно, и рассчитывать на успех Биргер не мог.

По мнению советских историков, задача, поставленная организаторам похода 1240 г., – завоевание берегов Невы и Ладоги (низовья Волхова). Захватом Невы и Ладоги сразу должны были быть достигнуты две цели. Во-первых, в руки шведов переходил единственный для Новгорода выход к морю, в их руки попадала важнейшая жизненная артерия новгородской торговли – путь из Волхова через Неву в Финский залив; шведы в этом случае должны были получить экономическое господство над Новгородом и Новгородской землей. Во-вторых, в руки шведов переходили земли, связывавшие Финляндию с собственно новгородской территорией, и в результате емя была бы совершенно отрезана от Новгорода; Новгород не смог бы больше участвовать в борьбе за Финляндию, и были бы созданы условия для покорения земли еми; лишенное могущественной поддержки русских население центральной Финляндии (емь-тавасты) не сможет далее сопротивляться шведам-завоевателям.

Можно ли брать на веру слова летописца, приписывавшего шведам стремление захватить не только Ладогу, но Новгород и всю Новгородскую землю? Шведские правящие круги, конечно, знали, что Новгород – большой, хорошо укрепленный город, и захват его – задача весьма сложная. «Мы имеем все основания полагать, что захват Новгорода и Новгородской Руси являлся конечной целью шведско-немецкой экспансии 1240 г. Но, вероятно, и шведы, и немцы не рассчитывали, что их походы немедленно приведут к полной победе. Скорее ближайшей целью шведского похода

был захват берегов Невы и Ладоги и закрепление на этой территории, чтобы затем, опираясь на Ладожскую крепость, нанести удар по Новгороду» [13, с. 158].

Таким образом, общим выводом всей советской медиевистики относительно этого вопроса было утверждение, что шведский поход 1240 г. по своим целям и задачам носил откровенно захватнический характер. Поход должен был по замыслу его организаторов стать решающим и поворотным моментом в общем ходе русско-шведской борьбы.

Противники этой концепции дают диаметрально противоположное этому событию истолкование. Так, например, финский историк Я. Яккола изображал борьбу Новгорода за земли еми в 1220–1230-х гг. как стремление захватить чужую территорию, законную сферу влияния шведов. Соответственно с этим шведские действия трактовались им как оборона от русской экспансии. Шведский поход 1240 г. понимается им как контрнаступление против «угрожающего давления Русского государства». Аналогичное мнение высказывал и Г. Доннер: поход на Неву должен был сдерживать экспансию Новгорода на запад [14, с. 78]. Именно Г. Доннеру принадлежит идея «заговора» католических стран против русских схизматиков в центре которого якобы стоял папский легат в Прибалтике Вильгельм Моденский.

Критические замечания. Если принять на веру официальную версию событий 1240 г. на Неве, то получается, что князь Александр ведет себя как авантюрист. Битва на Неве напоминает больше всего «пьяную драку», а не «продуманное оборонительное сражение». Действительно, главные события того года развивались не на севере Руси, а на юге – погром Батыев! На севере пало всего 20 русских, в то время как при взятии одного только Киева было уничтожено по не уточненным данным от 20 до 24 тысяч человек...

Один момент заставляет нас первоначально усомниться в подлинности описанных в летописи событий официальной версии. Факт этот связан со старейшиной «земли Ижорской» Пельгумем. Для чего надо было автору Жития вставлять в рассказ о нем его видение святых Бориса и Глеба? Все прежние объяснения относительно того, что святые являлись покровителями русского воинства и были внесены в Жития исключительно для того, чтобы морально его «поддержать», при таком раскладе малообъяснимы, так как задним числом якобы объясняют причины столь крупного и неожиданного военного успеха. Скорее всего, речь должна идти не об акте явления великомучеников уставшему ижорскому дозору. Вставка эта несет намек на фальсификацию этих событий, как в свое время были сфальсифицированы события времен княжения Святополка Окаянного, якобы убившего Бориса и Глеба [10].

В чем же дело?

Поставим несколько предварительных вопросов.

1. С какой целью шведский Ярл оказался на берегах Невы? Шел ли он на самом деле на Новгород или преследовал какую-либо иную цель?

2. Почему Биргер остановился на столь продолжительный отдых и отказался продолжать свое движение на Ладогу и Новгород, до которого по водному пути было около 500 верст?

3. Почему он не выставил дозоров в своем лагере?

4. Как удалось Александру Ярославовичу столь быстро и не заметно подойти с малой дружиной к стану Биргера?

5. Каким образом именно молодому князю удалось в суматохе ночного сражения нанести удар копьём в лицо шведского предводителя?

6. Почему на утро шведы не возобновили сражение и тихо ретировались, а русские, обнаружив на противоположном берегу Ижоры большое количество трупов неприятеля, удивились и поспешно «свалили» это на «ангела Господня», якобы произвольно избившего их врагов (т.е. почему они не приписали эту победу себе)?

7. Почему Великий Новгород указал на дверь вернувшемуся с победой князю Александру (ведь «победителей не судят»)? Так почему же Он [Господин Великий Новгород] тогда осудил «победителя»?

8. Какую герменевтическую ценность имеет во всей этой истории видение Пельгя о Борисе и Глебе?

Ответьте для себя на эти вопросы, и Вы получите совершенно иную историческую картину.

Нам, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо будет исследовать события конца 1230-х гг. в «странах Балтии» – Швеции, Дании, Ливонии и Руси. Итак, начнем отвечать на вопросы.

Весь XIII в. в этом регионе прошел под именем «Биргера». Первый Биргер появился в «водах Балтики» в самом конце XII в. Тогда в 1193–1195 гг. состоялся первый крестовый поход в Ливонию жителями Готланда во главе с их ярлом Биргером I и ливонским священником Теодорихом из Торейды с целью оказания помощи попавшему в «плен» первого ливонского епископа Мейнарда (ум. в 1196 г.). По малоизвестным для Генриха Латвийского обстоятельствам крестоносцы почему-то уклонились от своей цели и вместо устья Даугавы попали... в эстонскую область Виронию! [1, с. 63]. В дальнейшем «Хроника Ливонии» отмечает стабильность интереса, проявляемого шведами к землям Северной Эстонии. Второй Биргер – наш ярл Биргер Фолькунг (ум. в 1266 г.), правитель Швеции с 1248 г. И, наконец, третий Биргер – король Швеции начала XIV в. Именно при нем шведы в 1300 г. делают первую попытку утвердиться на берегах Невы строительством там крепости «Ландскрона» («Венец земли») [12, с. 41].

Отношения Швеции с Данией из-за Эстонии в то время были, мягко говоря, натянутыми. К этому времени Новгород уже безнадежно утратил свое прежнее влияние на эти земли, и походы новгородских дружин в первой трети XIII в. не могли уже восстановить его былого приоритета. Орден меченосцев прочно утвердился в Ливонии. По Стэнбийскому договору от 7 июля 1238 г. Эстония, находившаяся с 1228 г. во владении меченосцев, была отдана Дании. Переговоры с датским королем Вальдемаром II вел сам магистр Ордена Герман Балке, а за выполнением договора следил папский легат Вильгельм Моденский.

В интересующий нас период шведы пытались закрепиться в Ливонской области Вик (Северо-западная Эстляндия), где встретили жесткое сопротивление Дании. Еще в 1219 г. датский король Вальдемар II (1202–1241) укрепился на этих территориях и основал город Таллин (Датский город), первым епископом которого стал «крестный отец» Ордена меченосцев (ок. 1202 г.) Теодорих из Торейды (ум. ок. 1220). К концу 1230-х гг. отношения между Данией и Швецией усложнились. В Норвегии в это время (1239–1240 гг.) бушевал мятеж герцога (ярла) Скули и король Хакон IV «Старый» (1217–1263) был занят преимущественно этим событием [4, с. 152].

В Ливонии события разворачивались следующим образом. В 1219 г. шведский король Иоанн I Благочестивый (1219–1222) вместе со своим опекуном ярлом Карлом, герцогом Остготландским (младшим братом ярла Биргера I) высадился с большим войском в эстонской области Роталии, намереваясь утвердиться там. Захватив замок Левлэ, где епископом был брат ливонского епископа Альберта Герман, ставший в 1220 г. также эстонским епископом, шведы начали крестить местное население и строить оборонительные сооружения. Успех шведов был кратковременным. Как пишет в своей «Хронике Ливонии» Генрих Латвийский, после возвращения основных шведских сил на родину оставшиеся скандинавские «крестоносцы» во главе с герцогом Карлом и епископом Линкёпинга Карлом были все (числом до 500 человек) перебиты эзельскими эстами 8 августа 1220 г. Датские крестоносцы из Ревеля и ливонские меченосцы, по всей видимости, сознательно не оказали шведам, своим «союзникам» по вере и мечу, помощи, рассчитывая чужими руками убрать из Ливонии опасного конкурента. Генрих Латвийский сообщает, что датчане «собрали тела убитых и с горем похоронили» [1, с. 198–199]. Так что у шведских Ярлов были веские основания обвинять датчан и меченосцев в гибели своих одноплеменников. Более того, Датская Эстония мешала как Швеции (претендовавшей на Вик), так и Новгороду.

ду (потерявшего в 1224 г. город Юрьев), и в этом они могли договориться между собой о военном альянсе...

Официальная версия считает, что Биргер или его двойник шел на Новгород, чтобы покорить сам город. Шведам фактически приписывается то, что с великим трудом и с согласия самих славян сделали в IX в. варяги Рюрика¹. С политической точки зрения того времени это была чистой воды афера, но с идеологических позиций ярославичей западная угроза должна была носить именно такой характер. Так что же тогда делал в устье Невы ярл Биргер, если он не имел намерения идти на Новгород? Ответ на этот вопрос должен пролить свет на все эти события и представить их в совершенно ином ракурсе. Перейдем из устаревшего и погрязшего в идеологических штампах официоза к критическому анализу событий лета 1240 г.

В этой истории очень много странностей. Шведы ведут себя подозрительно легкомысленно: вместо того чтобы идти на Новгород, они разбивают лагерь, забыв выставить дозоры (так ведут себя союзники, а не потенциальные противники). Нет никаких объяснений того, почему князь Александр не поставил в известность о нападении шведов своего отца и не собрал новгородское ополчение. Потерпевшие поражение шведы почему-то не бегут, а остаются на поле брани как победители и хоронят своих павших. Вызывает также недоумение, что победители не взяли в плен ни одного побежденного, а погибший шведский военачальник носит почему-то русское имя Спиридон. Но самое скверное, что об этой «битве» молчат шведские источники. По их данным ярл Биргер в тот год вообще не покидал пределов Швеции. Более того, и некоторые русские летописи (как, например, Лаврентьевская или Ипатьевская) тоже обходят это события стороной, или помещают его с двадцатилетним опозданием. Все это дает основание некоторым исследователям считать, что сведения об этом сражении являются недостоверными, т.е. фальсифицированными, и позаимствованными из Жития Александра Невского [6].

Альтернативные версии истории лета 1240 года. Освобождение исторической науки от пут политической идеологии привело к тому, что в начале 2000-х гг. были предприняты попытки критического пересмотра позиций советской мифологии. В число таких спорных страниц прошлого попала и «Невская битва» 1240 г. Вокруг этого события было столько «накручено» лишнего, что миф сам себя выдал, сам себя дискредитировал. Фальсификация обычно обнаруживается в деталях, «мелочках». Избавиться от фальсификации политической идеологии прошлого – значит вывести научную мысль на новый уровень осмысления исторического прошлого и придать своему патриотизму больший научный, а не идеологический вес. Политическая идеология слепа к научной достоверности. Ей истина не нужна. Ей нужны политические дивиденды, которые она может извлечь из прошлого. И те, кто защищают эти идеологические мифы, вольно или невольно становятся участниками превращения науки в схоластику.

Версия Б (альтернатива I). Суммируя все изложенные выше замечания, мы вправе тезисно предложить свою альтернативную концепцию событий лета 1240 г. на Восточном побережье Балтийского моря.

1. Никакого якобы заранее спланированного Римской курией тотального «крестового похода» против Псковско-Новгородской Руси со стороны католических государств Западной Европы не было и быть в силу объективных политико-национальных причин не могло.

2. Имеющиеся факты свидетельствуют о том, что зимой – весной 1240 г. (а возможно, и раньше) в этом регионе сформировались два противостоящих друг другу

¹ Официальная версия – это сплав досужих вымыслов советских историков XX в., просталинская ориентация которых и сегодня может ввести кое-кого в заблуждение. Людям прошлого приписываются стереотипы современности, а их собственные мотивированные действия отодвигаются на второй план или даже вовсе затираются.

союзных военно-политических блока: а) Ливонский Орден и Дания и б) Швеция и Новгород. Спорный вопрос – Северо-восточная Эстония.

3. Оба блока наметили начало военных действий на чужой территории (т.е. наступательные операции) на ближайшее лето. Первые наносили удар на Изборск и Псков (конец августа), где заручились поддержкой главы германфильской партии боярина Твердило Иванковича (поход завершился кратковременным успехом); вторые – планировали морское вторжение на Северную Эстонию (июль), возможно, на датский город Таллин, резиденцию эстонского епископа.

4. Шведский ярл (Биргер или Ульф Фаси) и новгородская боярская элита договорились встретиться в первой половине июля в устье Невы для совместного похода. Князь Александр прибыл со своею дружиною (чтобы с берега прикрывать движение шведского «флота») к назначенному месту и в назначенное время. Состоялась личная встреча Ярла и Князя, (суббота, 14.07.1240 г.) т.е. как это было тогда принято – обильное застолье, охота, «турниры» и т.д.

5. Далее события приобретают скандальный характер. Молодой и вспыльчивый новгородский князь, возможно, во время ночного пиршества сам или с чей-то подсказки («подстрекательства»), по неосторожности или с каким-либо злым умыслом («провокацией») «наносит удар» каким-то оружием в лицо Ярла, т.е. оскорбляет равного себе (в роли «разящего копья»¹ мог выступить и обыкновенный плевок!).

6. Причиной этого оскорбления (а отнюдь не ранения) была, возможно: а) пьяная ссора, переросшая затем в драку, или б) спор, кому из двух военачальников быть «старшим» (т.е. возглавлять) совместный поход в Эстонию.

7. Исход этих событий всем хорошо известен. Ссора переросла в драку, драка – в кровопролитие. Пострадали главным образом приближенные обоих предводителей; рядовых воинов погибло в процентном соотношении гораздо меньше, чем знати, что при обычном ходе сражения было бы просто невозможно.

8. После происшедшего «инцидента» военный альянс шведов и новгородцев распался, и его участники бесславно вернулись каждый в свои пределы.

9. Оправдываясь за срыв похода в Новгороде, князь Александр и его окружение постарались представить события так, что шведы якобы замыслили поход не на Эстонию, а на самом деле планировали нападение на Ладогу и Новгород (официальная версия Жития).

10. Новгородская правящая элита не удовлетворилась этими политическими объяснениями княжеской администрации, и Александр был отстранен от должности (как «государственный изменник») и выставлен с позором из Новгорода.

Любопытно при этом отметить, что Александр никак не опротестовал это якобы несправедливое по отношению к нему решение, от чего его изгнание из Новгорода в Житии выглядит как совершенно абсурдная с политической точки зрения акция новгородской боярской элиты. Молчание князя по этому поводу – признание им своей вины. Через два года он постарался реабилитировать себя за этот первый в своей жизни военный конфуз...

Версия В (альтернатива II). Не совсем понятна литературная судьба того самого безымянного «королевича», которого шведы вели («тащили») под руки на ладью. Что с ним произошло такого, чтобы его необходимо было вести под руки? Только в трех случаях ситуация допускала «ведение человека» под руки в сознании русского человека XIII в.: 1) малолетний возраст (намек на опеку); 2) ранение и 3) пьян-

¹ Личный поединок двух предводителей на поле скоротечной и непредвиденной брани невозможен по техническим причинам. Другое дело – турнир. Он предполагает соревнование равных с равными. Если пирующие решили тогда устроить «турнир» (поединок своих начальников), то тогда всплывает версия, что этим поединком они решали вопрос, кому из этих двух предводителей быть первым в походе. Победителем тогда оказался более молодой – князь Александр. Но нанесенная его копьем рана «обидела» ярла и всех шведов.

ство... Какая из этих трех версий покажется нам более убедительней? Слово «королевич» (т.е. знатный, аристократ) указывает на ранний возраст того человека или на то, что он является каким-то весьма «состоятельным» наследником, происходящее сражение – на возможность получения ран, ночное пиршество – на алкогольное отравление. Допустим, что имело место соединение всех трех этих факторов. Тогда можно предположить, что ссора молодого князя Александра первоначально была не с Ярлом, а именно с этим «королевичем», его сверстником! Не исключено также, что под аморфным термином «королевич» скрывается не анонимный скандинавский принц (тогда бы летопись непременно его упомянула поименно), а сам... князь Александр, которого шведы «тащили под руки» на корабль, после того как он нанес оскорбление их ярлу. Увидев мнимое пленение своего предводителя, новгородцы могли поднять тревогу и напасть на шведов. В «сражении» упоминаются индивидуальные действия шести русских ратников, что тоже указывает на участие в этом скандале лиц из ближайшего окружения новгородского князя. Александр же отличился лишь тем, что нанес удар в лицо Ярлу...

По версии «В» события могли развиваться следующим образом. Состоявшиеся накануне переговоры о том, кому из двух предводителей командовать «союзным» войском, завершились безрезультатно. Ночью во время пира разгоряченный хмельными напитками молодой новгородский князь затевает ссору (продолжение политического спора) с Ярлом и наносит ему удар в лицо! Ярл приказывает своим людям увести («утащить») пьяного дебошира на корабль. Находящийся в дозоре Гаврило Алексич, заметив мнимое «пленение» своего патрона, нападает на шведов и «отбивает» его, предварительно испулавшись вместе с конем в Неве... Далее, дружинник Савва (возможно, пировавший вместе с князем и Ярлом в «королевском шатре») в поднявшейся суматохе подрубают столп шатра... Начинается придворное ночное побоище. Наутро выясняется, что русские, сами того не желая, избili изрядное количество шведов, часть из которых, спасаясь вплавь, потонула в водах Ижоры. Утром, протрезвевшие русские ратники, списали ночное побоище шведов на «ангела Господня», якобы по своей инициативе избившего их союзника. После этого Ярл окончательно «обижается» на Александра, и военному альянсу двух Балтийских «держав» приходит логический конец...

Версия Г (альтернатива III). Наконец, мы можем предположить о существовании еще одной версии. Мы вправе предположить, учитывая склонность Александра к политическим интригам, что этот князь сознательно пошел на обострение отношений со шведами как союзниками Новгорода и срыва совместного с ними похода в Северную Эстляндию. Для чего? Ему нужен был официальный предлог покинуть Новгород. Совместный поход с Ярлом в Эстонию означал для него «увязание» в прибалтийских делах, чего князь и его окружение явно не желало. В то время у двадцатилетнего князя появились совсем иные интересы – семейные. Еще в 1239 г. он взял в жены Александру, дочь старшего из полоцких князей Брючеслава. Свадьба состоялась не в Полоцке, но, что существенно, в самом северном городе на Смоленской территории, Торопце, т.е. в одном из ключевых городов в обороне Новгородской и Смоленской земель от набегов литовцев. Александр поддерживал тесные связи с семьей своей жены в Полоцке. Мы знаем, что его первый сын находился в самом восточном городе Полоцкого княжества – Витебске, откуда в 1245 г. в преддверии крупномасштабного литовского вторжения Александр перевез его в безопасный... Новгород. Александр был не в силах помешать постепенному переходу развалившегося Полоцкого княжества в зависимость от Литвы, но ему, по крайней мере, удалось положить конец регулярным нападениям литовских отрядов князя Миндовга на границы Новгорода и Пскова. После двух нападений в 1239 г. на Камно (Белый Камень) и Смоленск он построил ряд укреплений вдоль реки Шелони, к юго-западу от Новгорода, чтобы защитить город от нападения с юга. В 1245 г. произошло крупнейшее по тому времени и самое решительное из вторжений в русские земли. Состоялись две главные битвы, у Жижеца и Усвята, соответственно к северу от Смоленска и к востоку

ку от Полоцка. Более восьми литовских «княжицовъ» (князьков) было убито, и все награбленное ими в этом походе было взято обратно...

Можно поэтому предположить, что Александра больше стали занимать полоцко-литовские, а не ливонско-псково-новгородские события, и он (или кто-то из его полоцкого окружения, например, его ловчий Яков «Полочанин») посчитал, что он будет гораздо полезней в другом месте. Во всяком случае, Александр ушел из Новгорода, не опротестовав решение вече о его устранении от должности, т.е. посчитал это решение вполне законным.

Вышеприведенные версии могут свидетельствовать о том, что авторы «Жития Александра» митрополит Кирилл и его «команда» из благих побуждений создают историческую фальсификацию, т.е. рисуют образ князя таким, каким он должен был быть в идеале, а не таким, каким он был в действительности. Из заурядного правителя эпохи феодальной раздробленности и иноплеменных вторжений Александр превращается в государственного деятеля эпохи централизованного государства (заветная мечта и идеал фальсификаторов). В этой связи фабрикуются «факты» организованной католической экспансии и фактически впервые в истории русской политической мысли высказываются националистические идеи, обращенные на формирование общенационального русского самосознания. Удачно выбранный жанр произведения приносит ему всеобщую известность, так как «Житие» читается уважаемыми людьми (священнослужителями) и по особым случаям. Укрепившиеся на Московском престоле внуки «Благодарного князя Александра» активно начинают культивировать его образ как великого исторического деятеля в своих политических целях в борьбе с тверскими и рязанскими князьями, не являющихся прямыми потомками Александра.

Версия Д (альтернатива IV). Согласно этой версии Биргер мог совершенно случайно оказаться на берегах Невы в конце своего очередного финского похода, и здесь, на отдыхе он и его уставшая дружина подверглись неожиданному нападению новгородцев...

Версия Е (альтернатива V). Последняя версия: все события лета 1240 г. относятся не к объективной реальности XIII в., а к субъективной реальности XIV в., когда шведы уже утвердились в устье Невы и новгородцам необходима была их «национальная идея» для организации отпора «интервентам». Мы вправе даже предположить, что вся история с Александром Невским является плодом еще более поздней петровской эпохи, т.е. была создана (сфальсифицирована) для идеологического обоснования притязаний Петра I на Балтику (Северная война со Швецией, строительство Санкт-Петербурга и т.д.).

Заключение. Каждое историческое время имеет свою «тайную историю», в той или иной степени скрытую от взоров историков. «Официоз», как правило, есть то, что выгодно правящей элите, т.е. тем, кто заказывает работу «историка». Поэтому это чаще всего субъективная информация, отражающая корыстную волю частных лиц, а не саму историческую действительность. В таких случаях мы имеем дело не с историческими фактами, а со «злой волей» фальсификаторов, по-своему интерпретирующих эти факты. Более того, сформировавшиеся под их влиянием стереотипы (как любил говорить Френсис Бэкон, «идолы») активно мешают нам адекватно разбираться в этих фактах, ложно увлекая нас по уже проторенной дорожке «исторической традиции». Такое идолопоклонство может свидетельствовать лишь об ограниченности наших умственных способностей и торжестве злой воли фальсификаторов. Борьба с такого рода «идолами» есть фактически борьба с фальсификаторами, создающими историю в угоду своим эгоистическим интересам. Принятие этих «фактов» без должного критического анализа приводит лишь к усилению нашего общего заблуждения, чего ни кто из нас в отдельности в силу присущей человеку тяги к Истине желать не может...

К сожалению, деятельность многих политических элит оставляет после себя не научную истину, а идеологическую мифологию, которая прикрываясь патриотическими чувствами, усиливает натиск на историческую достоверность. И чем более

провальной оказывается политическая практика элиты, тем больше мифологии о себе она создает. Патриотизм базируется на привычке к утвердившимся штампам и гордости за их величие. Однако если это великое оказывается ложным, смешным оказывается уже и сам патриотизм.

Историческая правда для патриотизма чаще неприятна и неудобна. Зато «сладкая ложь» оказывается востребованной и растиражированной. Сумма исторических фактов, составляющих историко-культурный контекст, не подтверждает, а напротив, берет под сомнение официальную версию тех событий. Проблема в том, что элита желает казаться лучше, чем она есть на самом деле. Подобного рода мифы будут постоянно возникать именно из-за патриотических соображений, потому что не хочется верить в то, что нами когда-то правила несовершенная элита. Поиск истины не должен оскорблять патриотических чувств, но патриотизм не должен защищать ложь. Истина всегда дороже патриотизма.

Список литературы

1. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Москва – Ленинград, 1938.
2. Данилевский И. Н. Один из любимых героев детства / И. Н. Данилевский // Знание-сила. – 1994. – № 7.
3. Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.) / И. Н. Данилевский. – Москва : Аспект пресс, 2001. – 339 с.
4. История Норвегии. – Москва : Наука, 1980. – 722 с.
5. Князь Александр Невский и его эпоха: Исследования и материалы / под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1995. – 214 с.
6. Нестеренко А. Александр Невский. Кто победил в Ледовом побоище / А. Нестеренко. – Москва : Олма-Пресс, 2006. – 188 с.
7. Рамм Б. Я. Папство и Русь в XI–XII вв. / Б. Я. Рамм. – Москва – Ленинград, 1959.
8. Рыздзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. / Е. А. Рыздзевская. – Москва : Наука, 1978. – 240 с.
9. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304 / Дж. Феннел. – Москва : Прогресс, 1989. – 296 с.
10. Филист Г. М. История «преступления» Святополка Окаянного / Г. М. Филист. – Минск : Беларусь, 1990. – 156 с.
11. Хрестоматия по древнерусской литературе. – Москва, 1991.
12. Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке / И. П. Шаскольский. – Ленинград : Наука, 1987. – 165 с.
13. Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. / И. П. Шаскольский. – Ленинград : Наука, 1978. – 245 с.
14. Donner G. A. Om missionsmetoderna vid tavasternas kristning / G. A. Donner // Kring korstagen till Finland. – Helsingfors, 1968.

References

1. Genrikh Latviyskiy. Khronika Livonii. Moscow, Leningrad, 1938.
2. Danilevskiy I. N. Odin iz lyubimyykh geroyev detstva // Znaniye – sila, 1994, № 7.
3. Danilevskiy I. N. Drevnyaya Rus glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.). Moscow, Aspekt press, 2001. 339 p.
4. Istoriya Norvegii. Moscow, Nauka, 1980. 722 p.
5. Knyaz Aleksandr Nevskiy i yego epokha: Issledovaniya i materialy / ed. by Yu.K. Begunov i A.N. Kirpichnikov. St. Petersburg Dmitriy Bulanin, 1995. 214 p.
6. Nesterenko A. Aleksandr Nevskiy. Kto pobedil v Ledovom poboishche. Moscow, Olma-Press, 2006. 188 p.
7. Ramm B. Ya. Papstvo i Rus v XI–XII vv. Moscow, Leningrad, 1959.

8. Rydzevskaya Ye. A. Drevnyaya Rus i Skandinaviya v IX–XIV vv. Moscow, Nauka, 1978. 240 p.
9. Fennel Dzh. Krizis srednevekovoy Rusi. 1200–1304. Moscow, Progress, 1989. 296 p.
10. Filist G. M. Istoriya «prestupleniya» Svyatopolka Okayannogo. Minsk, Belarus, 1990. 156 p.
11. Khrestomatiya po drevnerusskoy literature. Moscow, 1991.
12. Shaskolskiy I. P. Borba Rusi za sokhraneniye vykhoda k Baltiyskomu moryu v XIV veke. Leningrad, Nauka, 1987. 165 p.
13. Shaskolskiy I.P. Borba Rusi protiv krestonosnoy agresсии na beregakh Baltiki v XII–XIII vv. Leningrad, Nauka, 1978. 245 p.
14. Donner G. A. Om missionsmetoderna vid tavasternas kristning // Kring korstagen till Finland. Helsingfors, 1968.